

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ, ПЕСЕН И ПОЭМ
В ОДНОМ ТОМЕ

2019
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Составление *А. Б. Киреевой, К. Р. Рождественской*

Оформление серии *О. Горбовской*

Фотография на корешке:
Владимир Савостьянов / Фото ИТАР-ТАСС

Рождественский, Роберт Иванович.

Р62 Собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе / Роберт Рождественский. — Москва : Эксмо, 2019. — 1088 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-72351-5

Роберт Рождественский заявил о себе громко, со всей искренностью обращаясь к своим сверстникам, «парням с поднятыми воротниками», таким же, как и он сам, в шестидесятые годы, когда поэзия вырвалась на площади и стадионы. Поэт «всегда выделялся несдвигаемой верностью однажды принятым ценностям», по словам Л. А. Аннинского. Для поэта Рождественского не существовало преград, он всегда осваивал целую Вселенную, со всей планетой был на «ты», оставаясь при этом мастером, которому помимо словесного точного удара было свойственно органичное стиховое дыхание. В сердцах людей память о Р. Рождественском навсегда будет связана с его пронзительными по чистоте и высоте чувства стихами о любви, но были и «Реквием», и лирика, и пронзительные последние стихи, и, конечно, песни — они звучали по радио, их пела вся страна, они становились лейтмотивом наших любимых картин. В книге наиболее представлены стихотворения, песни, поэмы любимого многими поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-699-72351-5

© Рождественский Р. И., наследники, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Стихотворения

выпрыгнуть
из берегов.
Как будто ему нипочем
реветь
и реветь
с утра.
Гору
толкнуло плечом,
кажется —
рухнет гора!
И вот уже
на ветру,
ахнув,
взрываются волны...
А я
ему
ору:
«Море!!
Давай на полный».
Слышишь?!
Таким
ты нравишься мне, —
разлившееся до края земли, —
за то,
что несешь
на своей спине
тысячетонные корабли.
За то, что тучи
дождями
поишь,
за ветер,
за то, что покою
не радо,
за то,
что если ты с кем-нибудь
споришь,
это
звучит как надо!
Дай руку на дружбу,
я буду тобой гордиться,
пусть
плавают в лужах
любители
тихой водицы!..
А ты
гуди!
Теперь мы вдвоем.

Летят они к месту,
  где в ожиданье
ребятам осточертело скитаться.
Ребята в отчаянье кепки мнут
целых сорок минут.
Но они обидятся,
  если вдруг им
начнешь —
  про любовь и «порывы страсти».

Они
  запыхавшимся подругам
говорят как можно небрежнее:
  «Здрассте!»

И все.
И мальчишке становится жарко.
Окинув веселую улыбку взглядом,
он чинно шагает
  с девчонкой рядом,
боясь даже взять ее за руку.
Вместе им
  и хорошо
  и неловко,
но вот,
  в себе заглушая ропот,
он предлагает попить газировки
и добавляет:

«С сиропом!!»

...Не смейся!
Давно ли мы сами были
такими?
Помнишь наши свиданья?
Помнишь, —
  злясь на себя,
  грубил
девчонкам,
  наихитрейшим созданиям?
Помнишь?..
Смеяться над этим не надо.
Как ее звали?
Наташей,
  Натой.
Где же ты, Натка?
  Певунья Натка?
Смешные стихи в голубых тетрадках.
Возле реки пионерский лагерь.

К солнцу летящие флаги...
 Улыбки прохожих не замечая,
 мальчишка шагает рядом с девчонкой...

Ты не мешай им.
Ты не смущай их.
 Давай отойдем в сторонку.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Смертью, которой грозят нам
 враги, обретем мы бессмертье...

Муса Джалиль

До рассвета семьдесят восемь минут.
 На рассвете
ключ заскрипит в замке,
 на рассвете в камеру люди войдут
 и пролают приказ на чужом языке.
 А потом будет десять визжащих дверей,
 коридорный сквозняк,
молчаливый конвой.
 Будет яма на тесном тюремном дворе
 и тяжелое небо
над головой.
 Автоматчики туго шеренгу сомкнут.
 До рассвета семьдесят восемь минут.
 И сейчас,
на распухшие пальцы дыша,
 задыхаясь,
спеша,
обгоняя рассвет,
 пишет песню,
последнюю песню,
поэт
 чуть заметным обломком карандаша.
 Пусть от долгих допросов гудит голова,
 пусть больная рука тяжелее свинца...
 Но приходят
единственные слова,
 как приказ,
как присяга,
как клятва бойца.
 Пишет,
пишет поэт...

И кончается ночь.
За стеною глухая команда слышна...
Даже фронт наступающий,
даже страна
не успеют,
не смогут,
не в силах помочь!

Я хочу,
чтоб ко мне его твердость пришла,
чтоб не смел ни минуты растрчивать я,
чтобы каждая песня
такою была,
будто это
последняя песня моя,
будто брезжит уже за окошком рассвет,
а враги ненавидят меня и кланют,
будто жить мне осталось
не семьдесят лет,
а семьдесят восемь
минут.

САТИРА О САТИРЕ

Бодро в руке фельетон зажав,
летаешь в редакции
по этажам.
«Отдел сатиры».
Встречает
мамаша.
Узнав,
зачем ты,
руками машет:
«Давно бы,
кажется,
знать должны —
куда ж вы лезете,
милые? —
Нам Гоголи и Щедрины
нужны!
А ваша-то
как фамилия?..»
Тихи
и скромны,
сгорев от стыда,
уходим.

Сюда
     не мы
         нужны...
 И снова
     смотришь во все глаза,
 по коридору бредешь понуро.
 Но вот табличка.
         Написано:
             «Зав.
 Отделом литературы».
 В двери толк!
 И сразу —
         стоп.
 Дубовый стол,
 за столом —
         столп.
 Едва-едва удостоив взглядом,
 рычит:
     «Чего вам,
         собственно,
             надо?!»
 И ты объясняешь с предельным тактом:
 вот, мол...
         Стихи, мол...
             так-то и так-то...
 Зав,
     отрывая от кресла зад
 и багровея:
         «Сатира?!
             Снова?!»
 Мы
     работаем,
         так сказать,
 а вам все хаханьки, да?
             смешно вам?!
 Чему
     смеетесь?!
         (Да помолчите вы!
 Надо же быть
         таким бестолковым!)
 Тоже мне,
     ходят тут...
         «Обличители!»
 Воображают себя
         Михалковыми...»

Стучусь наугад в какие-то двери.
 «Войдите!» —
   слышу, ушам не веря.
 Издав вместо «Здравствуйте»
   тихий стон,
 вхожу
                                 и кладу фельетон на стол.
 Потом, как в бреду,
 сажусь
                                 и жду.
 А дядя смакует
 дыма клубы,
 а дядя курит,
 кусая губы...
 И вот,
                                 наконец, поднимает глаза,
 видимо,
                                 взвесив все «против» и «за», —
 голосом бархатно-нежным:
 «Сатира...
                                 нужна,
   конечно...
 Но вы бы писали
   басни,
 и вам...
                                 и нам безопасней...»
 Картинка загадочней всякого ребуса.
 Вывод:
                                 иди и жалуйся.
 Так вы говорите:
   сатира требуется?
 — Пожалуйста.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСТРАХОВКЕ

Один мой знакомый
   придумал одну
 песню
                                 с названием: «Про луну».
 В песне —
                                 луна над рекою
   горит
 и камешки
                                 в оной реке
   серебрит.

Песня как песня.
   Трехдневный труд.
 Сдерживая волнение,
 поэт в газету пошел,
   но вдруг
 взяли поэта
   сомнения,
 задели большую его струну:
 как это он принесет
   «про луну»?
 Как же он скажет: «Нате»?
 А вдруг редактор —
   лунатик?
 Примут за выпад.
   Скажут: намек...
 Поэт
   рисковать собою не мог.
 И вот, подумав
   минуту
   одну,
 своими
   опытными руками
 он переделывает
   «Про луну»
 на более выдержанное
   «Про камни»,
 считая,
   что не на что больше пенять
 и что напечатание
   обеспечено...
 А я бы советовал
   камни
   снять.
 Вдруг у редактора
   камни
   в печени?

КАК ЭТО НАЧИНАЕТСЯ

Очертанья машины неотразимы.
 Остальное —
   не очень обычно для глаза:
 подъезжает к школе
   в роскошном ЗИМе
 ученица второго класса.